

Джудит Батлер

Осло

12 мая 2014 года

Мне очень приятно находиться здесь сегодня. Постараюсь быть краткой, чтобы мы могли оставить больше времени на дискуссию с Надей и Машей. В ней крайне много уровней и тем, среди которых такие важные вопросы, как феминистское перформативное искусство, риск оказаться в заключении за совершение публичных действий, критикующих авторитарный режим, условия содержания политических заключенных и перспективы политической солидарности. Думаю, не менее важно будет обсудить роль, которую во всех этих вопросах играют медиа – точнее то, что сегодня мы подразумеваем под термином «медиа», и тех рисках, которые неизбежно влечет за собой доверие к тому, как сегодня средства массовой информации освещают политические требования соблюдения прав заключенных, свободы слова и передвижения, а также призывы к критике репрессий со стороны государства. Я бы также хотела, чтобы мы поговорили и о критической теории как об экспериментальной мысли, стремящейся расширить границы возможного. В этой связи мне особенно приятно находиться здесь в компании Розы Брайдотти, которая задала нам крайне своевременную рамку для размышлений о рамках возможного – к этой теме я еще вернусь ближе к концу своего выступления.

Позвольте мне сперва поделиться несколькими идеями относительно перформативного искусства и перформативной политики. Перформативное искусство отличается от театрального тем, что в нем нет ни театральной сцены, ни просцениума, ни самого здания театра, в которое можно выйти и из которого можно выйти, ни даже билета, который можно купить. «Сценой» для перформанса может быть что угодно – улица, церковь, соседний продуктовый магазин, автобус или автобусная остановка, центральный торговый комплекс, холл многоквартирного дома и так далее. Все мы знаем о перформансах, где людей, идущих на работу или движущихся к какой-то цели, внезапно останавливают, вырывая из привычного маршрута, и заставляют посмотреть на окружающий мир по-новому. Привычное ощущение жизни и общепринятые нормы, негласно структурирующие нашу жизнь, в этом случае нарушаются, и мы прекращаем любые целенаправленные действия, которые собирались сделать, любое дело, которое планировали выполнить. Другими словами, перформанс может иметь место вне сцены. Он также может превратить любую площадку в рамках нашей привычной действительности во временную и условную сцену, трансформируя таким образом нашу повседневность и ставя под сомнение ежедневные ритуалы, структурирующие наше поведение в общественных пространствах, государственных учреждениях и церквях.

У русской православной церкви, как и у других церквей и мест богослужения, тоже есть свои ритуалы. В каком-то смысле церковь становится ритуальным пространством со сложносочиненной драматургией именно потому, что правила поведения там предписаны: есть четкие указания насчет того, как ходить и выходить из церкви, что там нужно делать, что и как говорить, в какой момент опускаться на колени и вставать с них, как вести себя во время поклона, как читать молитву в унисон, и когда нужно хранить молчание. В некоторых церквях также есть ритуал потребления пищи и стояния в очереди. Можно сказать, что в какой-то мере современный перформанс произошел от ритуальных религиозных практик, что, однако, не означает, что они представляют собой одно и то же. В то же время можно сказать, что даже до перформанса Пусси Райот, нарушившего церковную повседневность, перформанс в церкви уже существовал: в писаных и неписаных поведенческих кодах, общепринятых правилах нахождения и перемещения в церкви, становлении на колени и стоянии неподвижно. Мы даже можем сказать, что большинство общепринятых ритуальных действий в церкви тщательно срежиссированны, но это не значит, что от этого сценария невозможны отклонения. Насколько нам известно, Храм Христа Спасителя олицетворяет дух нации, превращает национализм в священную страсть, так что каждый входящий в храм тем самым становится частью этой страсти и проникается национальным самосознанием. Следование церковным ритуалам превращает человека в субъекта, производит легитимного гражданина национального государства. Путь к этому гражданству лежит через двери церкви. Превращение церкви, теперь понимаемой как форма институциональной власти, в неперемное условие для гражданской принадлежности, стирает границу между государством и церковью. В то же время это означает, что те, кто отказывается следовать этим правилам и выполнять ритуалы, рискуют потерять гражданство. Лишение свободы - это именно отказ в праве на гражданство, а тюремная система - способ регулировать механизм обладания гражданством, то есть, определять, кто может передвигаться и высказываться в свободном пространстве, которое мы называем публичным, и чьи передвижения, высказывания и право на объединение будут ограничены посредством заключения. Государство регулирует вход в публичное пространство и выход из него. И не существует публичного пространства, которое бы не определялось и не контролировалось бы тюрьмой. Заключение не только обнаруживает, чьи права на гражданство могут быть временно приостановлены, но и являет собой процесс этого приостановления.

Но каковы термины для определения гражданства? Подумайте о том, что обвинения в адрес Пусси Райот, как вы знаете, касались не только богохульства и хулиганства, их также обвинили в нападках на душу нации, более того - душу человека. Это приводит нас к важному вопросу: разве русская православная церковь в какой-то момент была назначена

на роль души российской нации или даже души человека? Придя в церковь с целью осуществить свой перформанс, противоречащий правилам поведения в церкви, поставили ли Пусси Райот под вопрос то, как и почему такое назначение имело место быть? Поскольку церковь рассматривается как душа нации, а государство объединяется с церковью в вопросах цензуры и криминализации любого высказывания, подвергающего сомнению их альянс, язык нравственности сразу же превращается в инструмент репрессивной власти. И действительно, язык морали, дискурс души и даже такое хрупкое понятие как «судьба человека» становятся мощными риторическими инструментами государства в ходе его попыток оправдать собственные преступные действия. Поэтому, когда о Пусси Райот говорят, что «они плюнули человеку в душу» или что их перформанс «разрушает все человеческое», мы должны спросить себя - кто эту душу сконструировал и для какого именно человека? Какая версия человечества так демонстративно разрушается и в чьих интересах это делается? Когда тот, кто идет на открытую политическую критику государства в церкви или другом общественном пространстве, подвергается избиениям, клевете, угрозам смерти и вынужден бояться за свою жизнь, то чья душа рискует быть разрушенной? И как стоит описывать «души» православных активистов, которые наслаждаются тем, что избивают Пусси Райот на публике? Им тоже угрожает разрушение?

Утверждение о том, что Пусси Райот атакуют душу нации или даже саму концепцию человека, человечество как таковое, свидетельствует о попытках государства контролировать понятия «душа» и «человек». Это делается с той целью, чтобы объявить тех, кто в своих действиях исходит из независимых принципов свободы, пытается сделать искусство и политику более открытыми, создать между церковью и государством прозрачные дебаты о демократии, о том, что можно говорить и показывать, расширяет границы видимого и высказываемого и помогает людям раздвинуть собственные горизонты и смотреть на происходящее критически – так вот, этих людей государство хочет объявить безбожниками, к которым неприменимо понятие «человек». Почему все это происходит? Да потому что они выступают за открытое будущее, создают пространство для критики и обсуждения. Потому что их перформанс смог мобилизовать критическую энергию, способную обнажить цензурирующую и насильственную политику режима, который использует ее для собственного поддержания, и противостоять ей. Режим хотел парализовать Пусси Райот - путем ареста, заточения, объявления их политическими преступниками, отдавая их на растерзание людям, которые знали, что останутся безнаказанными за нападение на них на улицах и в ресторанах. Государство также пыталось оправдать свои действия, контролируя набор терминов, употребляемых в связи с делом Пусси Райот. В него входили не только такие слова, как «нация», «душа», «человек»,

«человечество», но и «девушки», «хулиганки», «либералки», «разрушительницы», «богохульницы».

Мне кажется, мы не должны недооценивать влияние такой риторики в постсоветской России. Давайте вспомним о том, что православная церковь осуждала советскую власть за попытки разрушить человеческую душу. Для многих боязнь того, что церковь вновь подвергнется нападкам, связаны со сталинскими репрессиями в отношении нее. Поэтому здесь самое время определиться с терминами и провести различия. Во-первых, давайте условимся, что «человек» - это часть определения «душа человека». Такие слова, как «человек» и «люди» не просто описывают род и вид, они также являются гендерно заряженными. Совершенно очевидно, что церковь, иными словами *патриархат*, нацелена на то, чтобы защищать патриархальную душу нации.

Поэтому, когда о Пусси Райот говорят как о «девушках, действующих безрассудно и разрушительно, зараженных западным «либерализмом» и распространяющих эту заразу на всю остальную нацию, то сознательно полностью игнорируют их роль активисток, теоретиков и политических перформеров, чье политическое высказывание – это явная феминистская критика нелегитимного и антидемократического государства и его церковных союзников. Гораздо удобнее объявить их просто хулиганками – иначе они станут политическими акторами, феминистками-теоретиками, перформерами, критикующими власть, и тогда их перформанс, их критика и их феминизм поразят в самое сердце не просто «человеческую душу», а саму существующую власть. Термины, используемые для описания Пусси Райот, призваны нивелировать и редуцировать политическое значение их действий, но именно их арест служит актом признания этого значения, и показывает, как сильно государство боится возможных политических волнений.

Должно быть, это страх перед чем-то очень могущественным, если государственно-церковный конгломерат, монополизировавший использование насилия, арестовывает, избивает, пытается, заточает в тюрьму, угрожает и убивает. Я говорю «убивает», потому что мы до сих пор не располагаем достоверными фактами об Анне Альтшук и других политзаключенных, о которых известно только то, что они покончили жизнь самоубийством, но чьи смерти могут вполне быть на совести «народных бдителей», явно или прикрито охраняемых властью. И действительно – где начинается и заканчивается государство? Где начинается и заканчивается движение православных активистов, творящих самосуд? Возможно, здесь мы сталкиваемся не только с союзом государства и церкви, в котором церковь прикрывает Путина, но с альянсом государства, церкви и православных активистов-дружинников, который стремится контролировать

высказывания и действия тех, кто пытается делать публичные художественные и политические заявления?

С другой стороны, перформанс – это способ соединить искусство и политику. Арест Пусси Райот вызвал столько реакции не только потому, что было подавлено их художественное высказывание. Возмущаясь этой ситуацией, мы не должны говорить: «О, ну, это искусство, художественный перформанс, а все виды искусства должны быть под защитой идеи о свободе высказывания». Безусловно, это так. Но этот перформанс также является очевидной формой политического высказывания, нарушающего установленную жизнь социальных институтов и исполнение повседневных ритуалов с целью противостоять политической власти, поддерживаемой церковью и насильственной политикой государства. В этом смысле перформанс был и остается актом политического критицизма и противостояния. Слова Пусси Райот «Богородица, Путина прогони» не только нарушили заведенные церковные порядки, но и ворвались в новостные потоки на месяцы и даже годы, вовлекая активисток в борьбу за терминологию - назовут ли их глупыми хулиганками или проницательными политическими активистами - и привлекая внимание к политической коррупции на самом высоком уровне.

Позвольте мне в заключение затронуть еще три важных момента. Первый связан с политическим и провокационным характером таких перформансов, как перформанс Пусси Райот. Второй касается медиа и их саморепрезентации сегодня, которая внушает опасения и обнадеживает одновременно. В-третьих, я поговорю о формах солидарности заключенных, которые дают широкие возможности для участия феминисток в глобальных движениях солидарности, и отдельно затрону тему политзаключенных в России.

Перформанс

Хочу сказать, что очень важное значение имеет то, что перформанс в Храме Христа Спасителя было срежиссировано при помощи музыки и звуков, что балаклавы были разноцветными, и сама музыка панковской. Проблема не в том, что он произошел в месте богослужения или в этом конкретном храме, наделенном ошеломляющим символическим и национальным значением. На самом деле произошло то, что один постановочный перформанс был прерван другим: государство и церковь как раз давали представление, выступая в унисон, когда Пусси Райот своими панковскими песнями отняли у них сцену, поднимая вопрос о том, кому же принадлежит публичное пространство. А кому принадлежат частоты общественных каналов? Пусси Райот обнажили и остановили брачную церемонию, которая должна была связать Церковь и Государство. Другими словами, они искали возможность прервать это представление за счет включения в него собственного

перформанса. Вспомним, как Бертольд Брехт говорил, что власть легитимируется в повседневных ритуалах, и чтобы привнести значительные политические изменения, необходимо нарушить привычный ход событий - лучшие перформансы в истории отличались тем, что останавливали естественное и общепринятое течение жизни, вызывая потрясение и пробуждая нашу способность к публичному критическому мышлению.

Именно в критическом потенциале, заложенном в жанре перформанса, кроется возможность объявить его вне закона. Ведь если политический режим стремится отслеживать все, что мы говорим, слышим и видим, если он контролирует то, как мы ощущаем политическую реальность, он объявит преступными те формы критики, которые могут в какой бы то ни было мере заставить нас задуматься и почувствовать нелегитимность власти, которая нами управляет. Поэтому контроль за ощущениями, в том числе и за теми, которые вызывает искусство, становится важной частью политики государства и процесса легитимации его действий. Радикальный перформанс задействует звук, визуальность, образы, воплощенные в действии, ритм и слова; он оккупирует символические пространства и придает им новое значение; взламывает наше привычное восприятие таким образом, что критика существующей власти оказывается не чем-то абстрактным, но материализуется, становится живой и динамичной. Суды и ритуалы по вынесению приговора также являются своего рода перформансами: государство может сохранять власть только за счет ее постоянной демонстрации, и суды служат способом эту власть показать. Более того, процессы над политическими заключенными всегда превращаются в шоу, эдакие показательные выступления, гротескные перформансы разнузданной власти, которые выполняют роль угрожающего напоминания о том, что та же участь ждет тех, кто говорит и думает то, чего говорить и думать не должно.

Перформанс также может быть способом критически переосмыслить то, что мы привыкли считать нормами, структурирующими жизнь и поведение в обществе. Оппоненты Пусси Райот обвинили их в разрушении общепринятых норм. Но что делают нормы таковыми? Как одни нормы становятся общепринятыми, а другие – девиантным поведением? Это слишком серьезный вопрос, чтобы мы начали его подробно обсуждать сегодня, но мы видим, что альянс Церкви и Государства стал устоявшимся явлением в постсоветской России, и хороший историк, возможно, мог бы объяснить нам, как этот альянс стал восприниматься как данность и неотъемлемая часть политической жизни страны. Какие ресурсы должны быть у общества, чтобы это перестало быть данностью? То, что мы наблюдали в связи с арестом членов коллектива Пусси Райот, нельзя назвать иначе, чем замалчиванием и сдерживанием критики в отношении государства, которая должна была развернуться в СМИ

и разбить растущую уверенность общества в том, что церковь и государство должны слиться воедино.

Не будем упускать из вида также то, что одна из причин поддерживать секуляризм - это стремление защитить свободу художественного высказывания, которое возможно в ситуации параллельного существования церкви и государства. Вторая причина поддерживать независимость церкви и власти друг от друга в том, чтобы защитить права религиозных меньшинств, не принадлежащих к православной церкви, которая вовлекла власть в отношения взаимовыгодной поддержки. Подъем антисемитизма в России, Венгрии, Греции и Германии - причина относиться критически к этому богопротивному альянсу церкви и государства. Его большим сторонником, как правило, всегда выступает церковь. И религиозные меньшинства всегда начинают находиться в ситуации опасности, как только одна религия идентифицируется с душой нации и получает протекторат со стороны государства.

Медиа

Здесь я скажу всего несколько слов. Кажется очевидным, что, когда государство несправедливо арестовывает и сажает кого-то в тюрьму, активное присутствие СМИ крайне важно для как можно более широкого распространения информации об этом с целью привлечения международного внимания к такому акту несправедливости. Это было очевидно во время первой демонстрации на площади Тахрир, событий в парке Гези 1 июня, в Пуэрте дель Соль, а также в ходе студенческих демонстраций в Риме, Афинах, Сантьяго-де-Чили, Монреале и Беркли. Мобильные телефоны служили не только инструментом документирования жестокости полицейских, но также формировали между людьми связи для взаимоподдержки и солидарности, которые помогали им распространять информацию о происходящем через такие медиаканалы, как главные мировые информационные агентства и социальные сети в Интернете. Безусловно, люди стараются сообщать информацию любым способом, и в таких ужасающих условиях, как в случае с вышеперечисленными событиями, это оправдано. Тем не менее, необходимо осмыслить действия медиа критически, особенно то, как они превращают политзаключенных в знаменитостей, сводят серьезность их положения к паре-тройке громких фраз, чтобы повысить свои продажи и преподносят информацию о политическом заключении как душещипательную историю, которая, появившись в новостях несколько раз, вскоре перестает быть объектом внимания публики. Давайте также не будет забывать и то, что хотя Интернет пока свободен от государственной цензуры, виртуальное пространство создается корпорациями, которые являются соучастниками государства в деле слежки за всем, что в нем происходит. Поисковые системы в большинстве своем организованы

корпорациями, которым выгодно контролировать то, что мы видим в Интернете. Поэтому не будем забывать не только о явных, но и о скрытых проявлениях цензуры, превращении историй политзаключенных в медиа-товар и других формах медиа-репрезентации, которые отвлекают наше внимание от таких вопросов, как нелегитимная власть государства, наличие цензуры и существование политического заключения на национальном и международном уровнях.

Сети солидарности

Призраки полиции и тюрьмы так или иначе преследуют все публичные собрания. Любая городская площадь рассматривается властью в том числе и как пространство, куда определенной части населения нет доступа – либо людей задерживают у входа в это пространство, или они не имеют права там собираться, или подвергаются задержанию или аресту, находясь в нем. Другими словами, свобода собраний всегда содержит в себе риск заключения для тех, кто практикует эту свободу и в результате оказывается под арестом. Поэтому, когда люди приходят в публичные места с целью озвучить свои радикальные взгляды и критику, всегда есть вероятность того, что за этим может последовать тюремное заключение. Иногда мы сознательно совершаем действия, которые могут нас к нему привести, потому что это единственный путь продемонстрировать нелегитимные попытки государства контролировать публичные собрания и политические высказывания. Из тех, кто в свое время пришел в парк Гези, некоторые были задержаны, кто-то был ранен. Адвокаты, пришедшие на помощь задержанным, сами подверглись задержанию. Некоторые из медиков, стремившихся оказать помощь раненым, также были ранены. Тем не менее, на место протеста продолжали прибывать его новые участники, журналисты, медицинские работники, адвокаты, таким образом расширяя сеть солидарности. В связи с делом Пусси Райот по целому ряду мировых городов прокатились протесты, которые окончились только с их выходом на свободу. Формы солидарности, выраженной с помощью Интернет-каналов, вынудили мировые правительства и организации по защите прав человека призывать освободить заключенных активисток и протестовать против условий их политического заключения. Но чтобы эта история была не просто эпизодом про Пусси Райот, закончившаяся с их освобождением, нам следует обратить внимание на сам феномен политического заключения и институт пенитенциарной индустрии, которая служит глобальным механизмом контроля гражданства. В Соединенных Штатах две трети заключенных составляют мужчины-афроамериканцы, почти каждый осужденный на смертную казнь не является белым. Анжела Дэвис говорила, что тюрьма продолжает функцию рабства, лишая афроамериканцев гражданских прав, которые они получили после его отмены.

Я бы предположила, что, если наша свобода выражения полностью определяется государством, и если мы можем делать и говорить только то, что допускает государство, то наша свобода высказывания – это не что иное, как инструмент государственной власти. Политические высказывания или любые формы собраний политического характера криминализируются тогда, когда они обнажают нелегитимность ограничений, налагаемых государством на свободу слова, собраний и политического высказывания. Если человек отказывается находиться в жестких рамках, формирующих подконтрольную государству публичную сферу, он может оказаться в тюрьме, что вновь демонстрирует власть государства над свободой слова. Но, несмотря на это, люди все равно отстаивают свою свободу, которая неприемлема для государства, и это выражается в форме несогласия с его политикой и даже в форме потенциальной революции. Иногда такие действия воспринимаются как анархические, но их объединяет общее стремление к демократии. С одной стороны, государство должно защищать свободу высказывания, с другой, свобода высказывания очень часто не зависит от этой патерналистской защиты со стороны государства. Этот парадокс лежит в самой идее демократии.

В конце концов, сегодня мы живем в государстве, которое вполне можно назвать «карцерным», так как государственные институты накрепко связаны с тюрьмами и тюремной индустрией. Похоже, что в России это несвященный союз объединяет государство, церковь и тюрьму. В других же странах мы наблюдаем стремительный рост числа исправительных учреждений, который охраняют границы национальных государств; здесь тюремное заключение – это своеобразный способ расправы с беженцами, который не имеет юридических обоснований. В Палестине подавляющее большинство населения сталкивается с перспективой беспредельного задержания, где упоминания одного слова «безопасность» достаточно для произведения необоснованного ареста. Антитюремные движения солидарности стали распространяться по миру с такой силой именно потому, что тюремная индустрия стремительно растет, становясь эффективным методом демографического контроля.

Несмотря на то, что заключенные по определению не могут собираться в публичных местах, чтобы отстаивать свои права и требовать для себя юридического представительства, они все равно «говорят» с нами через своих адвокатов, сети солидарности и медиа-каналы.

Подобные связи позволяют нам проанализировать исторические и структурные свойства карцерной политики и вмешаться в нее, задействуя материальные и виртуальные формы солидарности. Такие формы публичной солидарности требуют совместных действий людей из разных стран и говорящих на разных языках. Нам нужны люди, которые работают с современными технологиями, говорят на нескольких языках, могут сравнить разные

юридические системы, написать текст или преподавать философию в рамках тюремных образовательных проектов. Хотя история, способная затронуть широкую аудиторию, может привлечь внимание к проблеме, лежащей в ее основе, единственный путь открыто говорить о растущем карцерном государстве как о биополитической реальности лежит через мобилизацию сетей и связей между людьми и вовлечение всех их ресурсов. Поскольку во времена, когда гражданские права все больше подчиняются вопросам безопасности, цензуры и демографического контроля, нам нужно действовать очень умело, чтобы правильно распоряжаться своими связями с целью нарушения безжалостных государственных режимов.

Феминизм является важной составляющей этих сетей, поскольку сегодня становится понятным, что именно феминистская критика разрывает привычную ткань общества, открывая для женщин новые возможности, которые считаются невыносимыми или недопустимыми, разрушающими социальные нормы или даже саму человеческую душу. Сегодня мы наблюдаем массовые движения, направленные против репродуктивной свободы, однополых браков, обсуждения гендерных вопросов в школе, а также ограничения прав женщин на образование, равные условия труда и свободу выражения. Снова и снова мы слышим о том, что равенство и свобода идут вразрез с «общепринятыми нормами» национальной культуры. Возможно, имеет смысл объединиться и всем вместе наконец задать все те вопросы, которые вызывают у нас эти «нормы», ведь каждую из нас хоть раз в жизни пытались заключить в их тесные рамки. Кто был свободен от этих норм? И в какой степени эти нормы являются маскулинными? Возможно, нам нужно объединить все способы самовыражения, включая звук и визуальность и потребовать наконец свободной жизни и ощутимой демократии?

Когда радикальные действия женщин, призванные поставить под вопрос легитимность коррумпированного политического режима, объявляются «невыносимыми» или «невозможными», то это переворачивает наши представления о возможном и заставляет задуматься о том, где же проходят его границы. По словам Розы Брайдотти, как феминистки и последователи критической теории, мы «должны расширить наше видение возможного». Это таит в себе риск быть избитым или оказаться в тюрьме, но, с другой стороны, отказавшись от этой идеи, мы рискуем заточить себя клетку собственного страха. Можно бояться, но все равно двигаться вперед, особенно в хорошей компании. И при этом перформанс может оказаться сильным политическим жестом, раздвигающим для нас границы возможного, особенно если его делает группа неуправляемых девочек, вырвавшихся из-под родительского контроля.